

любой страховой политикой, любым дебетом или кредитом, в конечном итоге стоит сила закона»². Оказывается, что роль государства в конфликте интересов много больше, нежели роль внешнего наблюдателя, регулятора отношений и судьи. С экономической точки зрения между конфликтом интересов и наличием законов и государства проходит непосредственная связь. Цель конкуренции заключается не только в том, чтобы получить прибыль, и даже не столько в том, чтобы обойти конкурента, хотя прибыль служит инструментом для демонстрации превосходства над конкурентом. Конкуренция не имеет смысла без особой формы легитимации — всеобщего признания превосходства: «...каждое из них [конкретное лицо — А.Б.] утверждает свою значимость и удовлетворяется только как опосредованное другой особенностью и вместе с тем как всецело опосредованное только формой всеобщности...»³. Реализация интереса участником конфликта невозможна без подтверждения (легитимации) правоты интереса государством, воплощающего в себе принцип всеобщности. Когда одна корпорация поглощает другую, используя все не запрещенные законом методы, государство ставится перед свершившимся фактом, а правовая система легитимирует произошедшее. Таким образом, даже при невмешательстве государства в конфликт интересов его структура состоит из трех элементов, где два элемента представляют участников конфликта интересов, а в качестве третьего элемента всегда представлено государство.

Однако трудно представить государство, которое не вмешивалось бы в экономику. Поэтому конфликты интересов всегда происходят на фоне экономической активности государства, и любое действие представителей государственной власти может быть истолковано в пользу либо одной, либо другой стороны. Если государство не на твоей стороне, значит, оно против тебя или в любой

момент может стать против тебя — именно так можно сформулировать ситуацию, исходя из которой стороны конфликта прибегают к лоббированию своих интересов. В оправдание своей лоббистской деятельности группы интересов зачастую вынуждены приводить следующее: чтобы кто-нибудь другой «не объегорил». Конфликты интересов неизбежны, а, следовательно, воздействие на представителей власти происходит в лучшем случае для того, чтобы получить дополнительные средства борьбы с другой группой, а в худшем, чтобы обезопасить себя от возможных коалиций конкурента с представителями органов государственной власти. Как такового воздействия на власть не происходит, оно всегда конкурентно. Оно необходимо и в какой-то мере вынуждено, в ней далеко нет того произвола, который пытаются уличить в лоббизме его противники.

Таким образом, в схему лоббистского взаимодействия, помимо субъекта и структур государственной власти, необходимо вписать третьего участника — конкурента субъекта. И в этом случае конфликт интересов как коммуникационный контекст лоббизма вносит свои коррективы в понимание сути лоббизма, особенно когда речь касается воздействия, производимого субъектами в отношении органов государственной власти.

1 При рассмотрении данной проблемы нет смысла проводить различие между клиентом и лоббистом, поэтому под лоббистом понимается субъект, который контактирует с органами государственной власти ради продвижения своих собственных интересов.

2 Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: 2002, с. 63.

3 Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: «Мысль», 1990. С. 228.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕРМИНА

Г.А. Гаврилов

Гаврилов Георгий Анатольевич — аспирант Института философии и права УрО РАН.

В современной политологии признан бесспорным тот факт, что наличие альтернативных политических субъектов, способных оказывать значимое воздействие на процесс принятия политических решений — важнейшая характеристика демократичности политической системы. По опыту развитых демократических стран предоставление возможности оппозиционным силам официально выражать точки зрения, отличные от позиции доминирующего субъекта, оказывает благотворное влияние на стабильность политической системы в целом. Отсутствие оппозиции чревато опасностью политической апатии населения, окостенения власти, коррупции, подъема радикальных движений. По свидетельству западногерманских политологов, 60-е годы в Германии (период пребывания у власти «большой коалиции» ХДС/ХСС и СДПГ при ограниченности сферы влияния свободных

демократов и невозможности выполнения ими функций полноценной оппозиции) ознаменовались ростом активности праворадикальных движений (см. «Opposition in Western Europe». Ed. by E. Kolinsky. London — Sydney, 1987 // цит. по С. Поршаков Политическая оппозиция в странах Запада//ПОЛИС, 1993, □).

Исключение составляют организации, ставящие целью нагнетание обстановки в неоднородных поляризованных обществах с большой степенью внутренней конфликтности. В моноцентричных системах граждане склонны отождествлять политическую систему с политикой конкретных руководителей. В таких обществах любые нападки на тех или иных политических руководителей или господствующую элиту могут рассматриваться как нападки на саму политическую систему и затрагивают фундаментальные вопросы выживания системы. В конкурентной политической системе оппоненты правящего в данный момент политического субъекта могут обвинить последнего например в ослаблении государства или предательстве традиций нации, но существование самой политической системы не подвергается опасности, поскольку сохранение стабильности правил игры признается приоритетным по отношению к сохранению власти у конкретных правящих элит. Конкурентная политическая система защищает от недовольства ее граждан: жалобы и нападки отвлекаются от системы в целом и направляются на лиц, находящихся в данный момент у власти.

В чем состоит теоретическая сущность понятия «оппозиция»? В современной научной литературе теоретическому исследованию этого феномена не уделяется достаточно внимания. Ряд вопросов, посвященных теоретическому анализу тех или иных сторон политической оппозиции, мы можем встретить в статьях и монографиях, посвященных изучению феномена власти, партий и партийных систем, конфликтологических исследованиях, но трудов об оппозиции как целостном теоретическом конструкте немного. Возможность появления альтернативных политических мнений и организаций нашла свое отражение не в научной сфере, а скорее, в сфере публицистики. В последние годы вышел ряд книг и статей, в названиях которых встречается термин «оппозиция» (см. напр. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1996; Дадияни Л.Я. О попытках создания в России лево-правого блока оппозиционных сил. 1989-1996 гг. М., 1997; Кургинян С. Россия: власть и оппозиция. М., 1993). В этих публикациях можно найти достаточное количество материала по современным российским общефедеральным партиям, однако не везде четко обозначено содержание используемого термина. До сих пор мало и переводных работ, посвященных теоретическому осмыслению феномена оппозиции.

Сложность теоретического осмысления термина «оппозиция» усугубляется отсутствием его юридического закрепления. В базовой части Конституции РФ — главе «Основы конституционного строя» — признаются принципы идеологического, политического и партийного многообразия. (Конституция РФ, ст. 13) Тем не менее, в современном российском законодательстве термин «оппозиция» используется только в 6 документах, причем среди них нет ни одного, в котором термин подвергался бы юридической расшифровке. Среди этих документов — постановления Конституционного суда РФ (в

основном в части особого мнения того или иного судьи), послание Президента РФ Федеральному Собранию, Устав Союза Беларуси и России.

Исходя из смысла приведенных нормативных документов можно заключить, что термин «оппозиция» преимущественно используется применительно к политическим партиям. Так, в Уставе Союза Беларуси и России содержится норма, гарантирующая «обеспечение правовых гарантий деятельности официально зарегистрированных партий и общественных объединений, в том числе оппозиционных». («Российская газета», N 101, 24.05.1997) Следуя этой логике, деятельность оппозиционных субъектов регулируется законами «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О политических партиях», «Об общественных объединениях», о выборах в различные органы власти.

Все эти факты предопределили известную многозначность термина вплоть до наличия подчас противоположных по смыслу. Большинство подходов к определению термина «политическая оппозиция» строятся в 2 направлениях: этимологическом и институциональном. Этимологический подход (лат. *oppositio* — противоположение) дает нам широкий смысл термина, акцентируя деятельностный аспект оппозиции и рассматривая ее как простое противоположение одной политики другой политике, выступление против мнения большинства либо господствующего мнения. Таким образом, речь идет об оппозиции вообще, ее политический аспект практически полностью исчезает. В рамках этого подхода оппозиция выступает как некий процесс, деятельность без привязки к конкретным политическим субъектам.

Этимологический характер подхода предопределяет и целый ряд налагаемых ограничений. Понимание, ключевой точкой которого является процесс противопоставления, не учитывает причин и целей противопоставления. Кроме того, под категорию противопоставления одной политики другой политике подпадает феномен лоббизма, группы давления, столкновение интересов локальных групп по поводу локальных проблем, не имеющих отношения к политике. Согласно этимологическому подходу, оппозицией может считаться разнонаправленное влияние нескольких субъектов на власть, не имеющую собственного мнения по обсуждаемому вопросу, что вряд ли отражает суть термина.

Помимо теоретических нестыковок, критика этой схемы возможна и с позиции практики. Схема перестает нести практический смысл в случае, когда доминирующее мнение или мнение большинства не получает соответствующего представительства в структурах, принимающих важнейшие политические решения. Таким образом, власть, проводящая непопулярные реформы, может трактоваться как оппозиция по отношению к большинству населения, несмотря на то, что она полностью контролирует процесс принятия решений. В результате категория оппозиции неоправданно размывается и теряет четкость и уникальность содержания.

В рамках институционального подхода наибольшее внимание уделяется институциональным формам организации оппозиции. При этом, оппозиция трактуется преимущественно как деятельность миноритарных партий в легислатуре. Методология исследования, которую предполагает этот подход, может быть весьма эффективно

использована для анализа политического процесса в традиционно демократических государствах со стабильной партийной структурой и устоявшейся культурой политической борьбы. Этим же обусловлено и ограничение эффективности этой методологии: институциональный подход к пониманию сущности оппозиции неоправданно заужает поле исследования, не учитывая все разнообразие форм организации власти. Оппозицией могут являться не только партии, и оппозиционная деятельность не ограничивается только парламентской борьбой.

Анализ существующих определений оппозиции выявляет одну их общую черту. Все существующие определения оппозиции строятся по единой методологии: оппозиция определяется через власть. Это очевидный и, по всей видимости, единственный способ определения оппозиции. Оппозиция не существует вне власти, она изначально противопоставлена власти, как это совершенно справедливо отмечено в рамках рассмотренного выше этимологического подхода к определению оппозиции. При этом подразумевается, что оппозиция есть там и только там, где есть власть. Оппозиция в системе равноправных субъектов невозможна.

Вместе с тем, простой констатации факта противостояния власти и оппозиции очевидно недостаточно. Как уже говорилось выше, если принимать во внимание все проявления несогласия с властями по любому поводу, спектр оппонентов власти неоправданно расширится и его анализ потеряет всякий смысл. Таким образом, необходим дополнительный критерий, по которому та или иная сила могла бы быть отнесена к разряду оппозиционных. По нашему мнению, важнейшей характеристикой оппозиции является стремление обрести власть.

В определении оппозиции как субъекта политической жизни, претендующего на обладание властью в данной системе, снимается проблема субъекта оппозиции — одного из ограничений институционального подхода. Как показала история, оппозицией может являться не только партия. Партии в современном понимании этого слова имеют не более чем полуторазековую историю, однако вряд ли будет корректно отрицать наличие политической борьбы в более ранние периоды человеческой истории. В современный период можно найти достаточно примеров, когда основным субъектом оппозиции являются институты государственной власти, олигархические группировки, транснациональный капитал и т.д. Понятно, что партийная оппозиция является наиболее развитой и представительной формой политической борьбы, однако отказ от анализа иных форм существования оппозиционных субъектов неоправданно заужит поле исследования.

С другой стороны, выделяя обретение власти в качестве основной цели оппозиции, мы решаем и проблему предмета оппозиционной борьбы, остающуюся неразрешенной в рамках этимологического подхода к понятию оппозиции. Из анализа исключаются частные вопросы, не имеющие отношения к распределению властных ресурсов в системе, количество «игроков» ограничивается властным субъектом системы и претендентом или претендентами на эту роль.

Снимается и проблема обладателя власти. В настоящее время власть в обществе, как правило,

связывается с государством. Не отрицая роль государства как инструмента осуществления власти, нельзя не отметить тот факт, что государственные институты зачастую контролируются институтами, не имеющими к нему отношения. Так, Раймон Арон разработал концепцию партийного государства — государства, в котором власть принадлежит одной партии и в котором только эта партия может рассчитывать на легитимную политическую деятельность. (Р. Арон Демократия и тоталитаризм, М., 1993) Аналогично, существуют «военные», «корпоративные» государства.

В чем практическая ценность этого подхода? Во-первых, определение оппозиции как субъекта, борющегося за власть в системе, методологически применимо для любой системы любого уровня. Термин «оппозиция» теряет связь исключительно с политической борьбой в рамках государства и может быть обоснованно использован при описании политической жизни на уровне регионов, муниципий или систем, вообще прямо не связанных с политикой. При этом статус оппозиции не является непреходящим, а привязан к анализируемой в данный момент системе. В зависимости от точки отсчета, оппозиционные силы в рамках одной системы могут стать обладателями доминирующего ресурса в рамках другой системы.

Определяя оппозицию как претендента на обладание властью, мы концентрируемся на реально значимых силах, способных изменить status quo системы. При этом, расширительное толкование субъекта оппозиции (не только партии) и доминирующего политического ресурса (не только государственный аппарат) позволяет более тонко анализировать процессы, происходящие в данной политической системе.

Однако, определив оппозицию через понятие власти, мы с необходимостью сталкиваемся с вопросом о том, что есть власть, и в чем заключается процесс борьбы за власть. Наиболее широкие возможности для определения и исследования оппозиции открывает «ресурсная теория» власти.

Наиболее широкое развитие ресурсный подход к рассмотрению концепции власти получил в середине 20 века и представлен теориями «обмена ресурсами» П. Блау, Д. Хиксона, К Хайнингса и др. (см. Blau P. Exchange and power in social life. N.Y. 1964; Hickson D.J., Hining C., Schneck R., Pennings N. A strategic contingency theory of intraorganizational power // Administrative Science Quarterly, 1971. Vol. 16) Ключевым тезисом ресурсного подхода к исследованию власти является предположение о неравномерности распределения ресурсов между участниками социального отношения. Соответственно, индивид может трансформировать излишек какого-либо ресурса во власть, уступая его в обмен на требуемое социальное поведение.

Ценность теории «обмена ресурсами» для определения и анализа оппозиции состоит в том, что эта теория максимальное внимание уделяет не исследованию процедуры или результатов осуществления власти, а дает нам четкое понимание источника власти. Теория «обмена ресурсами» дает понимание того, чего не хватает оппозиции и чего ей надо добиться для того, чтобы обрести власть. Действительно, именно обладание доминирующим политическим ресурсом дает властному субъекту возможность определять поведение и оказывать влияние на процесс принятия решений иных субъектов.

П. Блау, автор ресурсного подхода к исследованию власти, рассматривал власть в качестве частного случая процессов обмена. В его понимании один индивид имеет власть над другим в том случае, если последний нуждается в каких-либо благах (ресурсах), которые не может получить нигде в ином месте. В политической сфере обладание властью не означает контроля над всеми существующими ресурсами системы. Развивая эту теорию и переводя ее полностью в рамки политологии, мы предлагаем ввести иерархию ресурсов и предполагаем, что для каждой системы есть один или несколько ресурсов, контроль над которыми и использование которых обеспечивает контроль над принятием политических решений в рамках всей системы.

В результате, по отношению к властному субъекту политическая оппозиция обладает двумя ключевыми характеристиками: во-первых — недостаток или полное отсутствие доминирующего политического ресурса (ресурсов), во-вторых — претензия на обладание им. Таким образом, оппозиция — это отношения между двумя субъектами по поводу доминирующего политического ресурса системы. В структуре оппозиционных отношений можно выделить 3 составляющих: 1) властный субъект, обладатель доминирующего политического ресурса; 2) собственно субъект оппозиции — претендент на обладание доминирующим политическим ресурсом; и 3) повод, по которым у этих двух субъектов возникают отношения.

Еще одной необходимой чертой оппозиции является организованность. По мнению Д.П. Зеркина, оппозицией можно считать внутренне структурированное объединение людей, осознанно противопоставляющее себя доминирующей в данной политической системе силе. (см. Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал, №5 1998.) Действительно, сложно представить себе неорганизованную массу как борца за доминирующий политический ресурс, каким бы он ни был. И тем более невероятна ситуация, при которой неорганизованная группа смогла бы эффективно им распоряжаться. Необходимыми стадиями, характеризующими процесс конституирования полноценной оппозиции, является осознание группой лиц общности своих интересов, дискриминации этих интересов существующей властью, возможности изменить положение путем обретения власти, организационное оформление и принятие решения о политическом противостоянии власти. В этой связи весьма распространенный термин «народная оппозиция» является, скорее, образным описанием фоновой политической ситуации, существующих массовых настроений, нежели указанием истинного субъекта политического действия.

Политическая оппозиция — организованная группа субъектов, ведущая борьбу за обладание доминирующим политическим ресурсом системы. В рамках этой схемы доминирующий властный ресурс является основой для осуществления властных полномочий в системе. Что может быть этим ресурсом и каковы его формы?

М. Роджерс определяет властный ресурс как «атрибут, обстоятельство или благо, обладание которым увеличивает способность влияния его обладателя на других индивидов или группы.» (Rogers M.F. Instrumental and infra-resources: The bases of power // Amer. J. Sociol. 1976, vol. 79 p.

1422 // цит. по Власть. Очерки современной политической философии Запада. М. «Наука», 1989). Он же вводит классификацию ресурсов власти как факторов, лежащих в ее основе. Среди них выделяются атрибуты власти: социальный статус, физическая привлекательность, харизма; обстоятельства, обеспечивающие власть: владение политическим учреждением, доступ к влиятельным лицам, гибкий рабочий график, членство в комитете; собственность: здоровье, земля, владение СМИ. (Rogers M.F. Instrumental and infra-resources: The bases of power // Amer. J. Sociol. 1974, vol. 9 p. 1422 // цит. по Власть. Очерки современной политической философии Запада. М. «Наука», 1989)

А. Этzioni предлагает классифицировать ресурсы на утилитарные, основанные на отказе подвластного от сопротивления в обмен на необходимые ему ресурсы, принудительные, реализующиеся через угрозу наказания, и нормативные, суть которых состоит в манипулировании нормами и предпочтениями подвластного таким образом, чтобы они совпали с устремлениями властвующего. Цель классификации Этzioni — сопоставить отдельные типы ресурсов со специфическими формами господства. (См. Etzioni A. A comparative analysis of complex organizations. N.Y., 1961).

Исходя из теории Вебера, фактически лежащей в основе ресурсного подхода, к исследованию власти, власть — это легитимное господство, реализующее себя двояким способом: через принуждение, вплоть до физического насилия, либо под влиянием прочих форм легитимности (финансы, харизма, традиции, идеология). Таким образом, по Веберу, эти способы и являются вариантами политического ресурса. Наиболее распространенным доминирующим политическим ресурсом является возможность распределять блага в системе. Вместе с тем, не менее важным может стать репрессивный ресурс — контроль над силовыми органами, армией, правоохранительными структурами. Так, в Африке за 20 лет с 1960 по 1980 гг. имели место 40 удавшихся переворотов. (В.К. Егоров. «Государство-армия-общество». Круглый стол «Вооруженные силы — это политические силы?» // ПОЛИС 1992 №3). В период с 1945 по 1976 гг. военные перевороты произошли в половине из 18 стран Азии. После 1945 года только 2 из всех латиноамериканских стран (Мексика и Коста-Рика) сумели избежать подобного развития событий. (Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, изд-во Новосибирского университета, 1995). В зависимости от конкретной системы, этот ресурс может быть связан или не связан с конкретным постом в системе органов государственной власти.

Ресурсный подход имеет свои ограничения как концепция познания власти. В русле этого подхода власть рассматривается, по выражению Ю.М. Батурина, как некий «черный ящик», преобразующий ресурсы на входе во влияние на выходе. При этом внутренние процессы принятия решений властью остаются за скобками анализа. Однако, сконструированное на базе ресурсного подхода определение оппозиции во многом делает это ограничение менее важным. С точки зрения оппозиции в целом не важны внутренние процедуры властного субъекта, власть рассматривается как целостный субъект.

Вторая сложность использования ресурсного подхода связана с поиском доминирующего

политического ресурса для каждой конкретной системы. Вряд ли возможно определение универсального ресурса, являющегося властеобразующим для любой системы. Причем дополнительные проблемы возникают при анализе системы в динамике, когда условия существования системы, а с ними и доминирующий политический ресурс могут непрерывно изменяться. Достаточно очевидно, что методологией определения основного ресурса в конкретной системе должен стать анализ процесса принятия политических решений. В наиболее простом случае выявление доминирующего политического ресурса (а с ним и властного субъекта) может быть ограничено анализом конституционных прав политических институтов. Этот способ работает, когда доминирующий политический ресурс находится в системе государственной власти и формы его контроля законодательно зафиксированы. В более сложных случаях в анализе необходимо учитывать более обширный спектр факторов.

Сложность выявления оппозиции состоит еще и в том, что политический процесс дискретен. Смена обладателя доминирующего политического ресурса происходит не постоянно, а в конкретный момент времени, будь то выборы или государственный переворот. Таким образом, критерием, по которому можно определить, борется ли та или иная сила за доминирующий политический ресурс в каждый конкретный момент времени, должен стать комплексный анализ деятельности силы, претендующей на статус оппозиционной, между точками дискретного процесса. Показатели, используемые при подобном анализе, разнообразны и зависят от способа достижения доминирующего политического ресурса: популяризация партии, расстановка своих представителей на неизбираемые должности в среднем звене, деятельность по изменению характера доминирующего политического ресурса.

Победа на выборах, переворот являются лишь завершающим этапом менее явной оппозиционной деятельности. При этом, формальное участие в выборах не является окончательным свидетельством борьбы за доминирующий политический ресурс. Очевидно, что кандидаты в президенты РФ В. Брынцалов и М. Шаккум в 1995 году скорее решали свои локальные задачи, чем реально претендовали на высокий политический пост. Широко известен и ряд технологических приемов ведения избирательных кампаний, связанных с выдвижением на выборах фиктивных кандидатов или партий. Этот прием может применяться как с целью поддержки реального кандидата (демонстративный отказ «дублера» во время избирательной кампании от участия в выборах в пользу реального кандидата, страховка на случай отмены выборов вследствие безальтернативности), так и для подрыва позиций соперника (дробление электората, рупор для «слива компромата» и т.д.). Исследуя либеральные демократии, в политической жизни которых определяющую роль играют

политические партии, М. Лааксо, М. Шугарт и Р. Таагепера вывели показатель «эффективного числа партий», в общих чертах отражающий количество активно действующих политических субъектов системы — реальных претендентов на обладание доминирующим политическим ресурсом. При этом, наибольшую корреляцию дает коэффициент «эффективного числа парламентских партий», которое, по наблюдениям исследователей, в среднем на 0,5 пункта меньше эффективного числа электоральных партий. (см. Laakso M., Taagepera R. *Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. Comparative Political Studies*, vol. 12, №3, 1979; Taagepera R., Shugart M. *Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems*. New Heaven: Yale University Press, 1989.).

Одним из основных способов деятельности оппозиционных организаций в промежутках между точками дискретного политического процесса является деятельность групп интересов, оказывающих постоянное влияние на принятие решений властью. Исходя из выдвинутого нами понимания оппозиции, сами по себе группы интересов вряд ли можно отнести к оппозиционным субъектам, несмотря на то, что они подчас оказывают огромное влияние на политическую деятельность того или иного оппозиционного субъекта. (Например, комитеты политического действия играют огромную, если не определяющую, роль в финансировании выборов в США, а, следовательно, и в распределении постов во властных структурах.) Ключевым в этом смысле является ответ на вопрос, борются ли эти силы за политическую власть, готовы ли они принять на себя ответственность за все последствия обретения этой власти, либо только за решение своих частных проблем, которое связывается с приходом к власти той или иной политической силы? Очевидно, что профсоюз горняков или ассоциация медицинских работников, сколь бы сильными неправительственными организациями они ни были, не преследуют цели провести члена своей организации в президенты и стать доминирующей политической силой, расставив своих представителей на ключевые государственные должности. Политические силы, сформированные на основе таких групп интересов, представляют собой скорее исключение из правила (партия зеленых), не претендуют на роль доминирующего субъекта и являются в лучшем случае важным коалиционным партнером оппозиции.